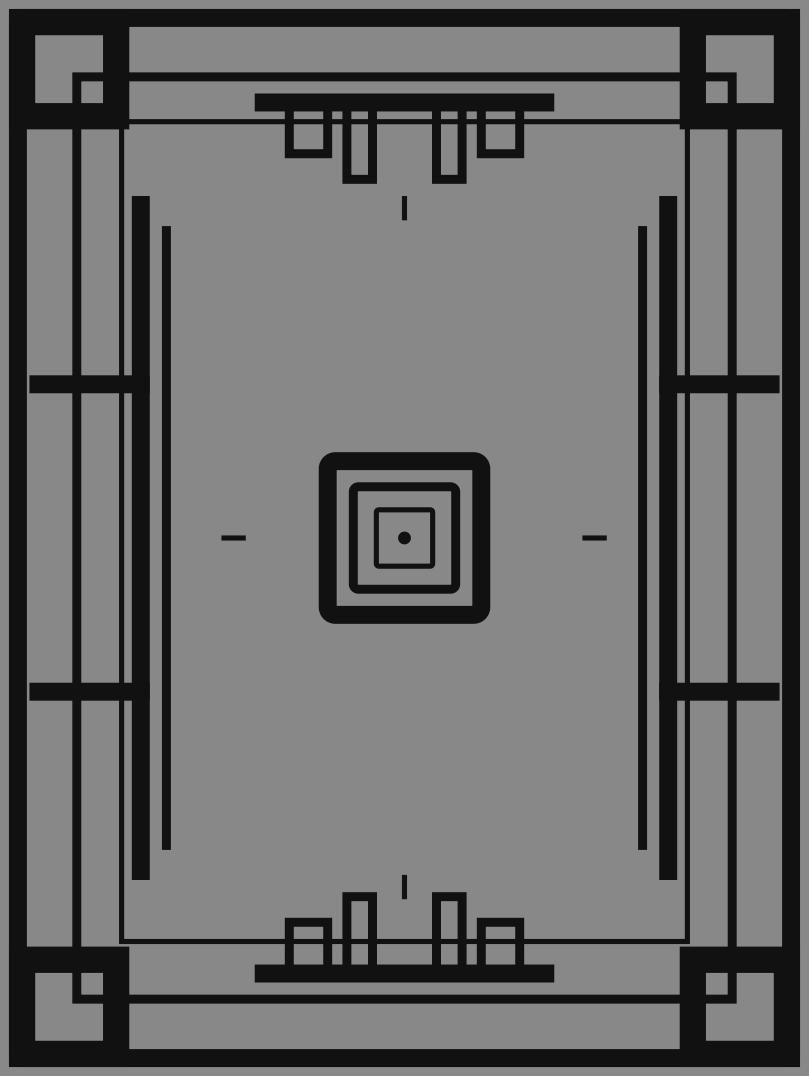

Джонни-Мнемоник
Уильям Гибсон

Уильям Гибсон. Джонни-Мнемоник

Уильям Гибсон
Джонни-Мнемоник

Обрез я сунул в сумку «Адидас» и заклинил его четырьмя парами теннисных носков. Совсем не мой стиль, но как раз это мне и нужно: если тебя принимают за тупого — стань техничным, а если считают, что с техникой ты на «ты», — заделайся тупарем. Я-то парень техничный, вот и решил выглядеть тупым на все сто. Время, впрочем, такое: чтобы косить под тупого, надо быть настоящим профи. Вот и я — своими руками выточил на станке из медных болванок две гильзы двенадцатого калибра; раскопав древнюю микрофишу с инструкциями, сам вручную зарядил патроны; наконец, собственноручно соорудил рычажный пресс для запрессовки капсюлей — тот еще трюк, между прочим! Зато я знаю: патроны сработают.

Встреча должна была состояться во «Взлетной полосе» в двадцать три ноль-ноль, однако я проскочил в «трубе» три лишние остановки и вернулся назад пешком. Подстраховаться никогда не мешает.

В хромированной панели кофейного автомата я мельком взглянул на свое отражение: типичный европеоид — резкие черты лица, темные жесткие волосы ежиком. Девочки в «Под ножом» торчат от Сони Мао — только с большим трудом удалось отговорить их не менять мне веки на китайские.

Возможно, Мордашку-Ральфи моя внешность и не обманет, зато поможет подобраться тик-в-тик к его столику.

«Взлетная полоса» — узкое, длинное помещение: в одном углу — бар, в другом — столики, а между ошиваются сводники, торгаши и прочие деятели. На входе сегодня вечером дежурили Сестры-Собаки Магнитные: если план не сработает, обратно мне уже не прорваться. Обе длиннющие — метра под два — и поджарые, будто борзые. Одна черная, другая белая, но в остальном похожи настолько, насколько это под силу пластической хирургии. Много лет они ходили в любовницах, а уж в драке были — туши свет. Я так и не смог разобраться наверняка, которая из них раньше была самцом.

Ральфи сидел за столиком, где и всегда. Подонок, задолжал мне кучу монет. В голове моей — сотни мегабайт информации, загруженные туда в режиме «идиот-всезнайка», информации, к которой сам я доступа не имею. Все это оставил там Ральфи. Только он может извлечь эти данные при помощи кодовой фразы собственного изобретения. Скажу сразу: мои услуги не дешевы, а уж сверхурочные за хранение — сплошная астрономия. А он, понимаете ли, забыл!

А потом я услышал, что Мордашка-Ральфи и вовсе надумал аннулировать мой контракт. И тогда я забил ему стрелку во «Взлетной полосе», но забил ее как Эдвард Бакс, подпольный импортер — только что из Рио и Пекина.

«Взлетная полоса» насквозь провоняла бизнесом, здесь вообще слишком нервно — и нервно, и попахивает металлом. Среди толпы тут и там слоняются мускулистые мальчики, поигрывая друг перед другом соответствующими частями тела и силясь изобразить на лицах нечто вроде тонких холодных улыбочек. Некоторые настолько обросли мышцами, что их фигуры уже и человеческими-то трудно назвать.

Простите. Простите меня, друзья. Это всегонавсего Эдди Бакс, Скоростной Эдди-Импортер со своей по-профессиональному неприметной спортивной сумкой, и, пожалуйста, не обращайте внимания на какой-то разрез, годный лишь для того, чтобы просунуть внутрь правую Руку.

Ральфи был не один. На стуле рядом с ним, настороженно пялясь в толпу, громоздился белобрысый калифорнийский бык — живая инструкция по технике боевых искусств весом килограммов в восемьдесят.

Скоростной Эдди мгновенно оседлал напротив

этой парочки стул; бык даже руки от стола оторвать не успел.

— Черный пояс? — поинтересовался я. Он кивнул, его голубые глаза автоматически просканировали меня от глаз до ладоней. — У меня тоже, — сказал я, — здесь, в сумке. — Я сунул руку в разрез, большим пальцем перевел предохранитель. Щелк. — Два ствола, двенадцатый калибр, спуск сдвоенный.

— Это пушка, — сказал Ральфи, предупредительно кладя пухлую руку на обтянутую синим нейлоном грудь своего телохранителя. — У Джонни в сумке — огнестрельный антиквариат.

М-да, недолго я побыл Эдвардом Баксом.

Думаю, его всегда звали не просто Ральфи, а Ральфи-с-Каким-то-Прозвищем, нынешнюю же кличку он приобрел исключительно благодаря тщеславию. Туловищем как перезрелая груша, вот уже двадцать последних лет он носил лицо некогда знаменитого Белого Христиана — Белого Христиана из «Арийского рэгги-бэнда». То был Сони Мао предыдущего поколения, последний чемпион звуковых дорожек расового рока. Я, знаете ли, вундеркинд по части всяческой чепухи вроде этой.

У Белого Христиана было классическое лицо

поп-артиста — ярко выраженные мускулы певца и точеные скулы. Так посмотришь — лицо ангела, этак — красавца-развратника. Но глаза на этом лице... это были глаза Ральфи — маленькие, черные, ледяные.

— Ладно, — сказал он, — давай потолкуем. Как деловые люди. — Сказал обезоруживающе искренно, вот только прекрасный, как у Белого Христиана, рот все время был влажным. — Льюис, — он кивнул в сторону мордоворота, — это просто дуб. — Льюис принял его слова равнодушно, словно механическая игрушка. — Но ты-то, Джонни, не из дубов.

— Неужто, Ральфи? А я думал, что это я — дуб, нашпигованный под завязку имплантантами, самое место для твоего грязного белья, пока не подвернутся ребята, желающие заработать на моем трупе. Так вот, Ральфи, пока у меня эта сумка, тебе придется кое-что объяснить.

— Это все из-за последней сделки, Джонни. — Он тяжело вздохнул. — Как брокер...

— Барыга, — поправил я.

— Как брокер я всегда очень осторожен с поставщиками.

— Ты покупаешь только у тех, кто ворует лучшее. Продолжай.

Он вздохнул опять.

— Я лишь стараюсь, — устало произнес он, — не иметь дела с дураками. Но на этот раз, похоже, нарвался. — Третий вздох был сигналом для Льюиса включить нейронный парализатор, который они прилепили под столом с моей стороны.

Я вложил все силы в указательный палец правой руки, но он перестал быть моим. Рука по-прежнему чувствовала металл и поролоновую ленту, которой я обмотал неудобную рукоять обреза, но сделалась чужой и безвольной, будто была вылеплена из холодного пластилина. Я надеялся, что Льюис, как настоящий дуб, тут же бросится вырывать сумку, а заодно рванет мой палец, застывший на спусковом крючке. Но он этого не сделал.

— Мы так беспокоились о тебе, Джонни, так беспокоились. Видишь ли, — Ральфи показал на мою голову, — то, что у тебя там, — собственность якудза. И одного дурака угораздило их обокрасть. Мертвого дурака.

Льюис заржал.

Вот тут до меня наконец дошло, но от того, что я все понял, стало совсем паршиво. Мою голову словно обложили мешками с мокрым песком. Убивать было не в стиле Ральфи. Даже Льюис

был не в его стиле. Получалось, он встрял на свою голову между Сыновьями Неоновой Хризантемы и чем-то, принадлежавшим им, или скорее чем-то, что было у них, но принадлежало кому-то еще. Ральфи, конечно, мог задействовать кодовую фразу и ввести меня в состояние «идиот-всезнайка» — тогда я выложу их горяченькую программку целиком, не запомнив ни единого звука. Для такого ушлого торгаша, как Ральфи, этого бы вполне хватило. Но только не для якудза. Якудза наслышаны о «кальмарах» и, естественно, не будут чувствовать себя спокойно, зная хотя бы малую часть их возможностей. С помощью «кальмаров» ничего не стоит вытащить из моей головы программу даже по самым слабым, остаточным следам. Сам я знаю о «кальмарах» немного, но кое-что слышать доводилось, и я зарекся болтать об этом с клиентами. Нет, якудза это точно не понравится: слишком смахивает на улики. Они бы не были тем, что есть, если бы оставляли улики. Или живых свидетелей.

Льюис продолжал ухмыляться. Словно он уже видел внутри моей головы то, что им было нужно, и теперь прикидывал, как бы добраться до этого самым коротким путем.

— Эй, ковбои, что-то маловато в вас жизни, —

послышался из-за моего правого плеча низкий женский голос.

— Исчезни, сука, — равнодушно сказал Льюис; его загорелое лицо было предельно спокойно. Ральфи же выглядел озадаченным.

— Как насчет взбодриться? Есть хорошее ширево. Чистейшее, никаких примесей. А? — Она подтянула к себе стул и уселась на него прежде, чем эти двое успели ей помешать. Я в моем положении мог видеть ее только краем глаза: худая девушка в зеркальных очках, волосы темные, короткая, неаккуратная стрижка. На ней была расстегнутая черная кожанка, под ней — футболка в косую черно-красную полоску. — Восемь тонн за грамм.

Льюис недовольно хрюкнул и попытался вышибить из-под нее стул. Это у него почему-то не получилось; ее рука метнулась к нему и, похоже, слегка коснулась его запястья. Яркая струя крови мгновенно залила стол. Льюис с силой сжал запястье другой рукой, костяшки побелели от напряжения, сквозь пальцы проступила кровь.

Странно, у нее в руке, кажется, ничего не было.

Теперь ему понадобится сшиватель сухожилий. Льюис осторожно поднялся, даже не попытавшись отодвинуть стул. Стул опрокинулся, и

Льюис пропал с моих глаз, не издав при этом ни звука.

— На его месте я бы обратилась к врачу, — сказала она. — Порез не слишком приятный.

— Ты хоть сама понимаешь, — голос Ральфи сделался вдруг очень усталым, — в какую яму с дерьмом ты только что себя посадила?

— Кроме шуток? А, понимаю, тайна. Обожаю тайны. Вроде той, почему этот ваш приятель такой тихоня. Он что — замороженный? Или для чего здесь вот эта штуковина? — Она показала миниатюрный блок управления, который неизвестно когда успела стащить у Льюиса. Ральфи выглядел совсем больным.

— Ты, э-э-э... Послушай, даю тебе за нее четверть миллиона, и ты отсюда уходишь. — И он мясистой рукой стал нервно оглаживать свое бледное, худое лицо.

— Чего я хочу, — она прищелкнула пальцами; блок при этом начал вращаться, отбрасывая по сторонам блики, — так это настоящего дела. Ваш парнишка повредил себе руку. Раз за это полагается гонорар, то четверть миллиона сойдет.

Ральфи шумно выдохнул и засмеялся. Его зубы явно недотягивали до стандарта по меркам Белого Христиана. Тут она выключила парализатор.

— Два миллиона, — сказал я.

— Вот это, я понимаю, мужчина, — сказала она сквозь смех. — А в сумке у тебя что?

— Обрез.

— Тупая работа. — Впрочем, это мог быть и комплимент.

Ральфи не произнес ни слова.

— Меня зовут Миллион. Молли Миллион. Линяем, босс? А то на нас начинают пялиться. — Она встала. На ней были кожаные джинсы цвета засохшей крови.

И только сейчас я заметил, что ее зеркальные линзы были вживлены в кожу лица: серебро гладким слоем поднималось от крутых скул, запечатывая глаза в глазных впадинах. Я увидел в этих линзах двойное отражение моего нового лица.

— А я Джонни, — сказал я ей. — Мистера Мордашку мы забираем с собой.

Он ждал нас снаружи. Внешне — заурядный турист из техов: пластиковые дзори и дурацкая гавайка с кричащей рекламой самого популярного микропроцессора его фирмы. Тихий, спокойный человечек, из той породы людей, что вечно посиживают в баре, попивая саке, — в таких заведениях еще подают крошечные рисовые

крекеры с начинкой из морских водорослей. Он в точности походил на тех, кто плачет от гимнов собственной корпорации, а после бесконечно и нудно трясет бармену руку. И сутенеры, и перекупщики не обратили бы на него внимания, посчитав безнадежно отсталым. Парень, мол, недалекий, и с кредитной карточкой осторожничает.

Как я догадался позднее, ему ампутировали фалангу большого пальца левой руки и заменили ее искусственным наконечником, а в обрубке сделали углубление и, покрыв его изнутри слоем синтетического алмазного покрытия фирмы «Оно-Сендаи», закрепили в нем катушку. А потом аккуратно намотали на катушку три метра мономолекулярной нити.

Молли заговорила о чем-то с Магнитными Собаками — так что я, крепко прижав к спине Ральфи свою сумку, смог вытолкнуть его за дверь. Похоже, Молли была с ними знакома. Я слышал, как чернокожая рассмеялась.

Внезапная вспышка над головой заставила меня поднять глаза — я так и не смог привыкнуть ко всем этим парящим в воздухе дугам света под

темными геодезическими куполами[01]. Может быть, это меня и спасло.

Ральфи оказался на несколько шагов впереди, но не думаю, чтобы он собирался сбежать. Думаю, он уже смирился. Возможно, он уже полностью осознал, против кого мы пошли.

И в тот момент, когда я опустил глаза, его разорвало на части.

Если прокрутить все еще раз, картина представляется следующая. Ральфи делает еще один шаг, и в этот момент неизвестно откуда — бочком, с улыбочкой на лице — выныривает этот маленький тех. Он делает что-то похожее на поклон, и у него отваливается большой палец левой руки. Это очень напоминает фокус. Палец висит в воздухе. Система зеркал? Проволока? Ральфи застывает на месте спиной к нам, от подмышек по его светлому летнему костюму расплываются темные пятна. Он взмок. Он знает. Он наверняка должен знать. И тут этот палец, как игрушка из лавки сюрпризов, — тяжелый, будто из свинца, — в довершение идиотского фокуса,

---

[01] notes: [01]

Геодезические купола — легкие и прочные конструкции в виде полусферы, собираемые из стандартных элементов. Сооружения в форме геодезических куполов разработал и пропагандировал американский архитектор Ричард Б. Фуллер. В мире будущего, описываемом Уильямом Гибсоном, подобными куполами накрыты все крупные города.

демонстрируемого маленьким техом, описывает в воздухе стремительную дугу — и невидимая нить, соединенная с рукой убийцы, проходит сквозь череп Ральфи немного выше бровей, а затем, не задерживаясь, взлетает вверх и — снова вниз, рассекая грушеподобное тело по диагонали через плечо и грудную клетку. Разрезы так незаметны, что кровь появляется лишь тогда, когда нервные связи начинают давать сбой и первые судороги не отдают тело во власть тяготения.

Ральфи, окруженный жидким розовым облаком, развалился на три куска; куски эти в полной тишине покатились по покрытому плитками тротуару.

Я с силой рванул сумку, моя рука конвульсивно сжалась. Отдача от выстрела едва не переломила мне кисть.

Лил дождь, струи воды каскадами падали сквозь прорехи в куполе и разбивались на плитах позади нас. Мы затаились в щели между хирургическим бутиком и антикварной лавкой. Краешком зеркального глаза Молли выглянула за угол и сообщила, что перед «Взлетной полосой» стоит только один «фолькс-модуль» с включенной красной мигалкой. Что Ральфи убирают с тротуара. И пристают ко всем с расспросами.

Я весь был облеплен опаленным белым пухом. Вот тебе и теннисные носки. Спортивная сумка превратилась в скомканный пластиковый наручник.

— Не понимаю, какого дьявола я в него не попал?

— Потому что он очень-очень ловкий. — Молли, обняв руками колени, раскачивалась на корточках с пятки на носок. — Ему перестроили нервную систему. Он фабричный продукт. — Она издала тихий, довольный смешок. — Я должна достать этого парня. Сегодня же ночью. Он лучший, кого я встречала. Номер один, высшая проба, шедевр.

— Что ты должна за два миллиона, так это вытащить меня из этой задницы. А этот твой дружок — его действительно вырастили в пробирке. В Тиба-сити. Это же наемный убийца якудза.

— Тиба? Понятно. Видишь ли, Молли тоже бывала в Тибе. — И она показала мне свои ладони, слегка раздвинув пальцы. Пальцы были тонкие и ухоженные и по сравнению с полированными темно-красными ногтями казались мертвенно-бледными. Десять лезвий выскочили одновременно из скрытых под ногтями пазов: каждое — узкий, остро отточенный скальпель из бледно-голубой стали.

Я никогда не бывал подолгу в Ночном Городе. Здесь никто не покупал мою память — наоборот, здешние обитатели платили достаточно регулярно, чтобы о многом забыть. Поколения метких стрелков постоянно громили неоновые светильники, пока ремонтные бригады вообще не плюнули на свое безнадежное дело. Даже в бледном свечении дня своды куполов здесь были черны как сажа.

Куда ты собрался бежать, если самая богатая преступная организация в мире подбирается к тебе своими длинными холодными пальцами? Где ты спрячешься от якудза — они могущественны настолько, что владеют собственными спутниками связи и по меньшей мере тремя шаттлами? Якудза — настоящая транснациональная корпорация, такая же, как «Ай-Ти-Ти» или «Оно-Сендаи». За пятьдесят лет до моего рождения якудза уже подчинила себе триады, мафию и Корсиканский союз.

У Молли был наготове ответ: ты спрячешься в Адской Яме, в самом нижнем ее круге, где любое давление извне мгновенно порождает круговые волны ответной грубой угрозы. Ты укроешься в Ночном Городе. А еще лучше — ты спрячешься *над* Ночным Городом, потому что Адская Яма

вывернута наизнанку и днище ее котла почти касается неба. Неба, которое Ночной Город никогда не видит, потея под собственным небосводом, сделанным из акриловой резины. Там, наверху, одни лишь нитехи, подобно химерам-горгульям, привычно копошатся во тьме со свисающими с губ контрабандными сигаретами.

Она же подсказала ответ и на другой мой вопрос:

— Значит, твоя голова заперта капитально, Джонни-сан? И никак эту программу без пароля оттуда не вытащишь? — Она отвела меня в тень за освещенной платформой «трубы». Бетонные стены были сплошь покрыты граффити — наслаиваясь из года в год, они превратились в один сплошной метарисунок гнева и безнадежности.

— Информация, которую я беру на хранение, вводится через модифицированный серийный протез, применяемый обычно в контраутической микрохирургии. — Я запустил ей сокращенную версию своего стандартного рекламного ролика. — Код клиента хранится в специальном чипе; кроме «кальмаров», о которых в нашем ремесле вообще-то говорить не принято, никто не может восстановить пароль. Хоть режь меня, хоть пытай, хоть накачивай наркотиками. Я его просто

не знаю, да никогда и не пытался узнать.

— Кальмары? Это которые со щупальцами и ползают?

Мы очутились на опустевшем уличном рынке. Смутные фигуры, маячившие на другой стороне импровизированной торговой площади, усыпанной рыбьими головами и гниющими фруктами, провожали нас внимательными взглядами.

— Так называют сверхпроводниковые квантовые детекторы возмущений[02]. Во время войны их использовали для поиска подводных лодок и выкачивания информации из вражеских киберсистем.

— Вот оно что. Флотские штучки? Еще с войны? И такой вот «кальмар» сможет прочесть твой чип? — Она остановилась, и я почувствовал на себе взгляд ее глаз, укрытых за линзами-зеркалами.

— Даже примитивные модели могут измерить силу магнитного поля с точностью в одну миллиардную геомагнитной — это как отыскать шепчущего на ревущем стадионе.

— Ну, копы уже могут это делать — при помощи параболических микрофонов и лазеров.

---

[02] notes: [02]

По-английски — «Superconducting Quantum Interference Detectors», сокращенно — «squids» (*«кальмары»*).

— Да, но при этом ваши данные все равно останутся в безопасности. — Во мне проснулась гордость профессионала. — Ни одно правительство не разрешит своим копам пользоваться «кальмарами» — даже секретной службе. Слишком много возможностей для междепартаментских склок: всем им охота устроить новый уотергейт.

— Флотские штучки... — Она задумалась, в тени сверкнула ее улыбка. — Флотские штучки... Тут, внизу, есть у меня дружок, который служил во флоте. Его зовут Джонс. Я думаю, тебе стоит с ним познакомиться. Он, правда, сидит на игле. Так что придется ему что-нибудь принести.

— Он наркоман?

— Он дельфин.

Он был больше, чем просто дельфин, — любой нормальный дельфин вряд ли бы отнесся к нему как к своему собрату. Я смотрел, как лениво он кружится в своей оцинкованной цистерне. Вода перехлестывала через край, заливая мои ботинки. Киборг. Пережиток последней войны.

Он высунулся из воды, и взгляду предстало закованное в бронированные пластины тело. Это было открытой издевкой над его сущностью: изящество, отпущенное ему природой, почти полностью потерялось под грубым и допотопным

панцирем. В уродливых выпуклостях по обеим сторонам черепа были установлены сенсорные датчики. Множество серебристых шрамов мерцало на открытых участках его светло-серой кожи.

Молли свистнула. Джонс взмахнул хвостом, и через край цистерны выплеснулся еще один фонтан.

— Что это за место? — спросил я, всматриваясь в едва различимые в темноте звенья ржавой цепи и какие-то укрытые брезентом предметы. Над цистерной нависала громоздкая деревянная рама, увитая рядами пыльных рождественских фонариков.

— «Фанлэнд», «Страна развлечений». Зоопарк и карнавальные шествия. «Не хотите ли поговорить с Китом-Воином?» И все такое прочее. Как будто Джонс похож на кита...

Джонс высунулся опять и остановил на мне свой древний печальный взгляд.

— А как он разговаривает? — Мне вдруг очень захотелось бросить все и уйти.

— Тут своя хитрость. Скажи «привет», Джонс.

И все лампочки сразу же загорелись. Замигали разноцветные огоньки — красный, белый, голубой.

КБГКБГКБГ

КБГКБГКБГ

КБГКБГКБГ

КБГКБГКБГ

КБГКБГКБГ

— Видишь, он неплохо разбирается в символах, но набор кодов у него несколько ограниченный. У себя на флоте он был подключен к аудиовизуальному дисплею. — Она вытащила из кармана узкий плоский пакетик. — Джонс, есть отличное говнецо. Хочешь попробовать? — Он остановился в воде и стал медленно погружаться на дно. Я почувствовал странное беспокойство, вдруг вспомнив, что он не рыба и может запросто утонуть. — Джонс, нам нужен ключ к банку данных Джонни. Как бы его поскорее заполучить? Огоньки дрогнули и погасли.

— Давай, Джонс!

ББББББББ

ББББББББ

ББББББББ

ББББББББ

ББББББББ

Белое магниевое сияние омыло ее лицо, свет лег ровным слоем, тени, тянувшиеся от скул, исчезли. Снова тьма.

— Отличнейшее! Никаких примесей. Ну же, Джонс.

```
Г
ГГГГГГГГГ
Г
Г
Г
Г
```

Голубой мертвенный свет. Распятие. Пауза.

```
K KKK
K K
KKKKKKK
K K
KKKK K
```

Кроваво-красная свастика щупальцами отразилась в серебристых линзах Молли.

— Выдай ему обещанное, — сказал я. — Мы нашли что хотели.

Эх, Ральфи, Ральфи. Мордашка... Ну никакого воображения.

Джонс взгромоздил добрую половину своей бронированной туши на край цистерны, и я подумал, что металл не выдержит и поддастся. Молли с размаху всадила иглу, угодив точно между двумя пластинами. Раздался шипящий звук.

Вновь вспыхнули лампочки, по раме, судорожно пульсируя, побежали световые узоры.

Мы оставили Джонса лениво покачиваться в темной воде. Быть может, ему снились сны о войне на Тихом океане, о киберминах, которые он подрывал, осторожно проникая в их внутренности с помощью своего «кальмара». Сегодня «кальмар» пригодился и мне, чтобы вытащить из чипа, похороненного в моей голове, жалкий пароль Ральфи.

— Хорошо, пускай они дали маху, когда списали Джонса со флота со всей его оснасткой... Но как кибердельфин мог сесть на иглу?

— Война, — сказала она. — Они все там были такие. Что ты хочешь — это же флот. Иначе попробуй заставь их работать на себя.

— Не думаю, что эту вашу затею можно осуществить, — сказал нам пират, пытаясь заломить цену. — Пробить канал на спутник связи, который нигде не зарегистрирован...

— Еще одно слово, и у тебя больше не будет проблем. — Молли уперла локти в исцарапанный пластик стола и нацелила на него указательный палец.

— Тогда, быть может, вы заплатите за свои микроволны где-нибудь в другом месте?

Да, парень классный, хоть и косит под Сони Мао. Родом из Ночного Города, не иначе.

Ее рука метнулась вперед и, скользнув по его куртке, целиком отсекла лацкан, даже не помяв ткань.

— Так что, по рукам или как?

— Да, — он уставился на срезанный лацкан, делая вид, что рассматривает его только из вежливого интереса, — по рукам.

Пока я настраивал два купленных заранее рекордера, Молли вытащила из кармана на рукаве куртки сложенный бумажный листок, на котором я записал пароль. Развернула его и молча прочла, медленно шевеля губами.

— И это все? — Она пожала плечами.

— Начинай, — сказал я, нажимая клавиши «ЗАПИСЬ» на обеих деках одновременно.

— Белый Христиан, — прочитала она вслух, — и его «Арийский рэгги-бэнд».

Верный Ральфи. Фанат до самой могилы.

Переход к состоянию «идиот-всезнайка» всегда не такой внезапный, каким его ждешь. Радиостанция пирата представляла собой кубическое помещение, выдержанное в пастельных тонах и скрывающееся под вывеской захудалого туристического агентства; похвастаться оно могло лишь

столом, тремя стульями и выцветшим постером с рекламой швейцарской орбитальной клиники. Две стеклянные птички на проволочных лапках монотонно тянули воду из пеностироловой чашки, которая стояла перед ними на полке рядом с плечом Молли. Пока я входил в режим, движения их постепенно ускорились, и через какое-то время венчики на их головах, искрящиеся в свете ламп, слились в сплошные разноцветные дуги. Индикатор пластмассовых настенных часов, на котором отсчитывались секунды, превратился в бессмысленную пульсирующую сетку, а сама Молли и этот парень с рожей под Сони Мао словно погрузились в туман, лишь изредка я видел, как в тумане мелькают их руки, выписывая призрачные фигуры, напоминающие движения насекомых. А потом и они исчезли, растворившись в сером холоде статики, в котором не было ничего, лишь кто-то нудно бормотал на искусственном языке одну-единственную бесконечную поэму.

Без малого три часа просидел я, выпевая краденую программу покойника Ральфи.

Проспект тянется на сорок километров — сорок километров неровно состыкованных фуллеровских куполов, накрывающих то, что некогда было

оживленной пригородной магистралью. Когда в ясную погоду здесь выключают освещение, солнечные лучи, пробиваясь сквозь многослойные акриловые перекрытия, превращаются в серую дымку. Это очень напоминает тюремные наброски Джованни Пиранези. На юге три последних километра проспекта проходят через Ночной Город. Ночной Город не платит налогов ни в государственную, ни в городскую казну. Неоновые светильники здесь давно мертвы, а геодезики почернели от копоти костров, на которых десятилетиями готовят пищу. И разве кто-нибудь разглядит среди густой полуденной темноты Ночного Города несколько дюжин сумасшедших детей, прячущихся между балками перекрытий?

Два часа мы карабкались вверх по бетонным ступеням и металлическим решетчатым трапам мимо ветхих мостков и покрытых пылью подъемников. Начали мы свое восхождение с площадки, похожей на заброшенную ремонтную платформу, сплошь заставленную треугольными сегментами купола. И на всех предметах вокруг мы видели все те же привычные, однообразные граффити, нанесенные при помощи аэрозольных баллончиков с краской: названия банд, чьи-то инициалы, и даты, даты, даты — вплоть до самого начала

века. Надписи преследовали нас по пятам, но чем выше мы забирались, тем их становилось меньше, пока наконец не осталась одна-единственная, повторяющаяся с настойчивым постоянством: *НИТЕХИ*. Большими заглавными буквами с подтеками черной краски.

— Нитехи — это кто?

— Только не мы, босс. — Она влезла на шаткую алюминиевую лестницу и скрылась в дыре, прорезанной в листе гофрированного пластика. — Примитивная техника, низкие технологии — вот что это такое. — Пластик приглушал ее голос. Я осторожно полез за ней следом, оберегая побаливающую кисть. — Даже твоя затея с обрезом нитехам не покатила бы.

Где-то час спустя, когда я протащил свое тело сквозь очередную дыру, на этот раз грубо пропиленную в листе фанеры, я впервые наткнулся на нитеха.

— Все в порядке. — Рука Молли скользнула по моему плечу. — Это просто Пес. Эй, Пес!

Он стоял, освещенный узким лучом ее карманного фонаря, и рассматривал нас своим единственным глазом. Потом медленно высунул изо рта длинный серый язык и облизал выпирающие наружу клыки. Я подумал: а можно ли

считать трансплантацию челюстных тканей добермана примитивной технологией? Ведь не растут же иммуноподавители на деревьях.

— Молл'. — Длинные клыки коверкали речь нитеха. С вывернутой нижней губы свисала капля слюны. — Слыш'л, как вы идете. Давно. — На вид ему было лет пятнадцать, но клыки, яркая мозаика шрамов и вдобавок вечно разинутая пасть превратили его лицо в настоящую звериную морду. Надо же было потратить столько времени и таланта, чтобы соорудить этакую образину; впрочем, по достоинству, с каким он держался, было видно, что жить за таким фасадом ему нравится. Ноги его прикрывали драные джинсы, черные от налипшей грязи и лоснящиеся на сгибах. Грудь Пса была голой, и стоял он на полу босиком. Нитех изобразил своим ртом что-то вроде ухмылки: — Идут след'м, за вами.

Далеко внизу, в Ночном Городе, надрывно закричал лотошник-водонос, зазывая покупателей.

— Запрыгали струны, Пес?

Она повела фонарем, и я увидел тонкие провода, привязанные к головкам болтов. Они тянулись от самого края площадки и исчезали внизу.

— Выруби еб'н свет!

Она сразу же погасила фонарик.

— Эт’т, к’торый там, как он ход’т без света?

— Он ему не нужен. Это подарочек еще тот, Пес. Если ваши сторожа попытаются спихнуть его, думаю, что домой они вернутся в разобранном виде.

— Он друг эт’т друга, Молл? — с тревогой прогнусавил он. Я услышал, как у него под ногами затрещала гнилая фанера.

— Нет. Но я займусь им сама. А этот, — она похлопала меня по плечу, — это мой друг. Понял?

— Ясн’, — ответил он без особой радости и прошлепал к краю платформы, туда, где крепились болты. Дергая за натянутые струны, он принялся передавать сообщение тем, кто находился внизу.

Подобно огромному крысиному лабиринту далеко под нами раскинулся Ночной Город. Он был окутан мраком, лишь в крохотных квадратиках окон тускло мерцали свечи, да изредка выступали из тьмы площадки, освещенные фонарями на батарейках и карбидными лампами. Я представил себе стариков, коротающих время за бесконечной партией в домино: они лениво постукивают костяшками, а сверху им на головы с мокрого стираного белья, вывешенного между фанерными лачугами, падают большие теплые капли. Затем я попытался представить того,

кто сейчас терпеливо взбирается вверх, один, в темноте, в своих легоньких дзори и мерзкой туристской рубахе, вежливо улыбаясь и не спеша — да и куда спешить-то?.. И все же, как ему удалось выследить нас?

— Очень просто, — сказала Молли. — Он чует нас по запаху.

— Кур'шь?

Пес вытащил из кармана мятую пачку и, как награду, вручил мне сплющенную сигарету. Прикуривая от кухонной спички, я разглядел марку. Ихэюаньский табак. Пекинская сигаретная фабрика. Понятное дело, нитехи связаны с черным рынком. Тем временем Пес и Молли завели какой-то нескончаемый спор, который, как я понял, вертелся вокруг желания Молли воспользоваться чем-то особенным из недвижимого имущества нитехов.

— Приятель, ты, наверно, забыл, сколько я всего для вас сделала. Мне нужна Площадка. Я давно не слушала музыку.

— Ты не н'тех...

Так они препирались добрую часть километрового зигзага, по которому вел нас Пес. Идти оказалось непросто: то по узким раскачивающимся мосткам, то куда-то вверх по веревочным

лестницам. Нитехи плетут свою паутину, плевками эпоксидной смолы прикрепляя свои гнезда к расползающейся ткани города — и спят там себе над бездной в веревочных гамаках... Их владения настолько условны, что порой и состоят лишь из упоров для рук и ног, выпиленных в конструкциях геодезиков.

Дохлая Площадка, сказала Молли. Поспевать за ней было непросто, особенно в этих неразношенных модных туфлях из гардероба Скоростного Эдди, которые скользили по вытертому металлу и гладкой, мокрой фанере, — и я подумал: а можно ли найти еще более гиблое место, чем это? Молли и Пес все спорили, но я догадывался, что отговорки Пса — всего лишь ритуал: она получит то, чего хочет.

Где-то там внизу, под нами, ходил кругами в своей цистерне Джонс. У бедняги как раз должна была начаться ломка. Полиция, наверное, все еще приставала к завсегдатаям «Взлетной полосы» с вопросами о Ральфи. Что он там делал? Да с кем он там был до того, как вышел на улицу? И якудза, должно быть, уже запускала свои невидимые щупальца в информационные узлы города, выискивая любую мелочь, способную навести на мой след, — банковские счета, страховки,

оплаченные квитанции. У нас информационная экономика. Этому учат еще в школе. Но учителя никогда не скажут вам, что невозможно жить, передвигаться, совершать какие-либо действия, не оставляя крошечных, ничтожных на первый взгляд, но неуничтожимых следов информации о личности каждого человека. Следов, которые можно извлечь, собрать, усилить...

Но к этому времени пират уже должен был переправить нашу анонимку в сеть, откуда она прямиком попадет на комсат якудза. Послание очень простое: «Отзовите ищеек, или мы запустим вашу программу по всем каналам».

Программа... Я даже понятия не имел о ее содержимом. И до сих пор не имею. Я просто пропел свою песню, не разбирая слов. Быть может, это были данные каких-то исследований, добытые с помощью промышленного шпионажа, — обычный бизнес якудза. Чем не по-джентльменски — грабануть у «Оно-Сендаи» какую-нибудь перспективную разработку, а затем вежливо предложить ее выкупить? А если жертва упрется, в ход пойдут угрозы: или гоните монету, или ваша бесценная новинка станет достоянием гласности.

И в самом деле, почему бы им не поставить

на какой-то другой номер? Разве продать украденное «Оно-Сендаи» для них менее выгодно, нежели выкопать могилу для какого-то Джонни из Переулка Торговцев Памятью?

Их программа, отправленная наземной почтой четвертого класса, была сейчас на пути в Сидней. По одному адреску, по которому я обычно отсылал письма для своих клиентов, — люди там работали надежные и, главное, они не задавали вопросов, — причем совсем незадорого. Якудза же я выслал программу не целиком, а лишь небольшую часть второй копии — ровно столько, чтобы они убедились в ее подлинности. А поверх затертого куска я записал свое послание.

Боль в кисти не проходила. Мне хотелось остановиться, лечь и уснуть. Я знал: еще немного, и я потеряю чувство реальности, свалюсь без сил — и уж тогда-то эти черные остроносые туфли, которые я купил, чтобы сыграть роль Эдди Бакса, потеряют опору и мигом доставят меня вниз, в Ночной Город. Но перед мысленным взором все время стоял он — тот, что шел за нами следом: от него, как от дешевой религиозной голограммы, исходило сияние, а увеличенный чип на гавайке напоминал снимок приговоренного к ядерной смерти города, сделанный со спутника-шпиона.

И поэтому я продолжал идти за Молли и Псом через небеса нитехов, кое-как сколоченные из всякого хлама, от которого отвернулся даже Ночной Город.

Дохлая Площадка — квадрат восемь на восемь метров. Словно какой-нибудь великан, натянув на стальных канатах свалку металлолома, подвесил ее в пустоте. Она скрежетала при малейшем движении, а двигалась она постоянно, раскачиваясь и подпрыгивая, пока собравшиеся нитехи рассаживались на окружавшем ее фанерном карнизе. Дерево от старости серебрилось, поверхность карниза, отполированная за долгие годы, сплошь пестрела от вырезанных имен, угроз и признаний в любви. Тросы, удерживавшие Площадку на весу, терялись во тьме за пределами ослепительно-белого сияния двух древних прожекторных рам, подвешенных сверху.

Девушка с зубами как у Пса неожиданно выпрыгнула на Площадку и встала на четвереньки. На грудях ее были вытатуированы спирали цвета индиго. Она быстро добежала до края и с громким хохотом вцепилась в парня, который пил из литровой фляги какую-то темную жидкость.

Похоже, мода у нитехов и состояла-то в основном из татуировок да шрамов. Ну и, конечно,

зубов. Электричество, которое они воровали для освещения Дохлой Площадки, казалось исключением из их эстетики, сделанным во имя... чего? Ритуала, спорта, искусства? Точно сказать я не мог, но видел, что Площадка — это нечто особенное. И, судя по всему, каждое поколение нитехов вносило в нее что-то свое.

Я все еще прятал под курткой бесполезный обрез. Патронов в нем больше не было, но твердость приклада, упиравшегося в мой бок, действовала успокаивающе. И тут до меня наконец дошло, что я до сих пор не имею ни малейшего представления о том, что здесь на самом деле происходит — или может произойти. Но это было в духе всей моей предыдущей игры, потому что большую часть жизни я был лишь слепым сосудом, который чужие люди наполняли чужими знаниями, а затем выкачивали их обратно, — и я послушно выплескивал из себя искусственные слова, никогда не понимая их смысла. Одним словом, очень техничный парень. Уж будьте уверены.

А затем я заметил, какими тихими сделались вдруг нитехи.

Он стоял на границе света и тьмы, с невозмутимым спокойствием туриста рассматривая Площадку и толпу нитехов, замерших на галерке.

И когда наши взгляды встретились и мы сразу же узнали друг друга, вдруг словно что-то щелкнуло в моей памяти. Я вспомнил Париж: длинные электрические «мерседесы», как блуждающие оранжереи скользящие сквозь дождь к Нотр-Дам, а за стеклами японские лица, и сотни объективов «никои», и из каждого слепо тянущийся к свету цветок из хрусталя и стали. И в самой глубине его глаз — когда наши взгляды встретились — я увидел те же, что и тогда, жужжащие затворы фотообъективов.

Я оглянулся в поисках Молли, но она куда-то исчезла.

Нитехи молча потеснились и дали ему ступить на карниз. На лице его светилась улыбка, он поклонился и плавным движением выскользнул из своих сандалий; они остались стоять одна подле другой, выровненные, будто по линейке. Потом он сошел на Площадку. Тех двигался ко мне через колеблющиеся завалы металлолома легко и спокойно — как беззаботный турист, фланирующий по синтетическим ковровым дорожкам второразрядного отеля.

И тут стремительным движением на Площадку выпрыгнула Молли.

Площадка пронзительно завизжала.

Каждое движение Площадки сопровождалось усиленным до предела звуком: к четырем толстым спиральным пружинам по ее углам были подключены здоровенные звукосниматели, а к ржавым обломкам машин и механизмов безо всякой системы крепились контактные микрофоны. А еще где-то нитехи держали усилитель и синтезатор; вверху же, над нашими головами, сквозь слепящее марево можно было различить неясные очертания колонок.

С размеренной четкостью метронома начал отбивать ритм электронный ударник: ощущение было такое, словно где-то поблизости застучало огромное сердце.

Молли сбросила с себя куртку и сапоги и осталась в футболке без рукавов; по едва заметным следам на ее тонких руках можно было догадаться о специальных устройствах из Тиба-сити. Ее кожаные джинсы блестели в свете прожекторов. Она начала танцевать.

Согнув ноги в коленях, она с силой вдавила белые ступни в расплющенный бензобак; в ответ на это Площадка начала раскачиваться. Звук при этом был такой, словно мир рушится в преисподнюю, а провода, которыми он прикреплен к небесам, лопаются и скручиваются по всему

небосводу.

Всего несколько биений сердца потребовалось теху, чтобы приноровиться к диким броскам Площадки, затем он легко двинулся дальше, ступая по обломкам металла, словно по верхушкам плоских камней в каком-нибудь орнаментальном саду.

Не доходя до Молли, он с изяществом человека, привычного к светским манерам, потянул за кончик большого пальца и метнул его в ее сторону. Преломившись в лучах прожекторов, нить протянулась в воздухе радужной паутинкой. Молли бросилась на пол и откатилась в сторону, а затем, когда смертоносная молекула просвистела мимо, взметнулась вверх, как распрямившаяся пружина. Словно повинуясь инстинкту самозащиты, она выпустила стальные когти.

Барабанный пульс участился. Молли делала прыжок за прыжком — черные волосы взлетали от дикой пляски над слепым серебром линз, рот сжался в линию, губы побелели от напряжения. А под ней гудела и скрежетала Площадка, и нитехи повизгивали от удовольствия.

Тех втянул нить обратно, но не до конца: держа беспалую руку на уровне груди, он стал вращать нить перед собой, образовав призрачный мно-

гоцветный круг диаметром около метра. Словно загородился щитом.

И тут Молли как будто прорвало. Это трудно было назвать танцем — так мечется сорвавшаяся с цепи бешеная собака. Она резко подпрыгнула, прогнулась в воздухе и, сделав рывок в сторону, приземлилась обеими ногами на алюминиевый блок двигателя, прикрученный проволокой к одной из спиральных пружин. Я зажал уши ладонями, сила звука, с которой загрохотала Площадка, бросила меня на колени, голова моя закружилась, я подумал, что и сама Площадка, и карниз с сидящими на нем нитехами, сорвавшись, рушатся вниз. Мне уже виделось, как мы падаем на Ночной Город, как ломаются от удара лачуги, разлетается недосушенное белье и несчастные наши тела разбиваются о городские плиты, словно гнилые фрукты. Но тросы выдержали, и Площадка продолжала взлетать и падать подобно безумному металлическому морю. И Молли продолжала танцевать на его волнах.

И уже перед самой развязкой, перед тем как тех в последний раз взмахнул своей нитью, я увидел на его лице выражение, которое, по-моему, просто не могло принадлежать ему. Это не было страхом, и это не было гневом. Скорее это были

неверие, изумление и непонимание одновременно, смешанные к тому же с чисто эстетическим отвращением ко всему, что он здесь видел и слышал, — и к тому, что происходило с ним. Он опять втянул в палец вращающуюся нить и, когда призрачный диск уменьшился до размеров тарелки, взметнул руку над головой и рывком ее опустил: кончик большого пальца, словно сделавшись вдруг живым, метнулся в сторону Молли.

Но Площадка унесла Молли вниз, и нить прошла над самой ее головой — чтобы затем, в упругом развороте, возвратиться к своему хозяину, взлетевшему на гребне встречной волны. Нить должна была без вреда пройти над его головой и вернуться на место в алмазную твердь сустава. Вышло иначе: она отсекла ему кисть. Перед техом в Площадке образовалась брешь, и он шагнул прямо в нее: так уходит в воду ныряльщик, неторопливо, с нарочитым изяществом, — сбитый камикадзе на своем пути вниз, в Ночной Город. Но я думаю, есть еще одна причина, объясняющая этот прыжок. Напоследок, перед тем как уйти в глубину, он хотел подарить себе несколько секунд тишины, которых он был достоин. Не ловкость и не отвага соперницы убили его — его убил культурный шок.

Нитехи заорали как резаные, но кто-то уже выключил усилитель, и Молли, с бледным, без тени чувства лицом, покачалась еще немного с Площадкой, пока та наконец не остановилась и в медленно возвращающейся тишине не осталось ничего, кроме затухающего гуда измученного металла да скрипа трущихся друг о друга ржавых частей.

Мы обшарили всю Площадку в поисках отрезанной кисти, но так и не нашли ее. Все, что мы обнаружили, — это изящный срез на одном из кусков ржавой стали, который оказался на пути пролетающей нити. Поверхность его сверкала, словно свежее хромированное покрытие.

Мы так и не узнали, приняли ли якудза наши условия, да и вообще — дошло ли до них наше послание. Насколько мне известно, программа по-прежнему дожидается Эдди Бакса на полке в подсобке сувенирной лавки на третьем уровне вокзала Сидней-Пять. Оригинал программы они, скорее всего, продали обратно «Оно-Сендаи» еще несколько месяцев назад. Но, может, они и приняли передачу пирата, ведь до сих пор по мою душу так никто и не приходил, хотя минул почти год. Но даже если они и появятся, то сперва им придется повторить наш долгий подъем сквозь

тьму, мимо часовых Пса, а я, если на то пошло, уже совсем не похож на Эдди Бакса. Я предоставил это Молли — ей и местной анестезии. И мои новые зубы уже почти прижились.

Я решил остаться здесь, наверху. В тот раз, когда я увидел его, появившегося на противоположном краю Площадки, до меня вдруг дошло, насколько я все-таки пуст. И еще я понял, что мне до тошноты надоело быть корзиной для чьего-то белья. Зато теперь почти каждую ночь я спускаюсь вниз и навещаю Джонса.

Мы теперь с ним партнеры, я и Джонс, — ну и, конечно, Молли. Молли устраивает наши дела внизу, во «Взлетной полосе». Джонс по-прежнему живет в своей «Стране развлечений», но цистерна у него куда как больше, и раз в неделю ему подвозят свежую морскую воду. И кайф у Джонса есть, когда ему надо. Он по-прежнему разговаривает с детишками с помощью рождественских фонариков, но со мной Джонс беседует через экран дисплея. Новый прибор гораздо лучше того, что был у него на флоте. Я установил его в гараже, который снимаю неподалеку.

И все мы зарабатываем неплохие денежки, побольше, чем я зашибал раньше, потому что «кальмар» Джонса может прочесть следы любой

информации, которая когда-либо во мне побывала. Он выдает все это через наш новый дисплей на языке, который я теперь без труда понимаю. Так что мы много чего узнали о всех моих бывших клиентах. И однажды настанет день, когда я отправлюсь к хирургу, чтобы выковырять весь этот кремний, запрятанный у меня в железах. И останусь жить лишь со своей памятью и ничьей больше, как и другие люди. Но какое-то время я еще потерплю.

А пока здесь у нас, наверху, все в полном порядке. Я посиживаю себе в темноте, покуриваю китайские сигареты с фильтром, слушаю, как капает с геодезиков влага. Только здесь, наверху, еще можно услышать, что такое настоящая тишина — если, конечно, парочка нитехов не вздумает станцевать на Дохлой Площадке.

Такая жизнь многому учит. И если с помощью Джонса я разберусь еще в нескольких мелочах, я стану самым техничным парнем в городе.